Подонок

Автор:
Ульяна Соболева

Подонок

Ульяна Павловна Соболева

Михайлина – преподаватель истории, вернулась в родной город спустя годы после скандального побега со свадьбы. Думала, что кошмар остался в прошлом, но встретилась с ним… Красивым, молодым, богатым, дерзким подонком. С одним из своих студентов–второкурсников. Родным братом бывшего жениха. Не прошло и нескольких дней, как она стала объектом жестоких издевательств, грубости, унижения… И она хорошо знает, за что Демьян ее так люто ненавидит и хочет разрушить ее жизнь. Только она ни в чем не виновата. СЛР. ХЭ. Однотомник. Альтернативная современность Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Подонок

Глава 1

Да подальше всё пошло

Поболело и прошло

Кто расскажет о любви

В которой прячется тепло

Где обиды, а где боль

Всё пройдет само собой

Как на рану сыпать соль

Ведь ранила меня стрельбой

Да подальше всё пошло

Поболело и прошло

Кто расскажет о любви

В которой прячется тепло

Где обиды, а где боль

Всё пройдет само собой

Как на рану сыпать соль

Ведь ранила меня стрельбой

(с) Поболело и прошло

HENSY

– Ты, щенок, как смел меня так опозорить?

– Кто знал, что гаишники окажутся несговорчивыми. Но ты прикормишь. У тебя все прикормленные.

Генерал Галай вскочил со стула и облокотился на дрожащие руки, наклоняясь к младшему сыну, а Демьян взгляд отвел и на стены смотрит усмехаясь. Везде отец. То руку жмет самому президенту, то министру обороны, то еще какому– то высокопоставленному индюку.

– Я тебя, гниду такую, оставлю без копейки. Без карточек, без наличности, без машины.

Не смотрит на отца, а презрительно разглядывает портреты на стене, сложив руки за спиной. Темные волосы взъерошены и заправлены за уши, черная косуха сброшена с плеч, на которых места живого нет от татуировок, под курткой только тонкая майка белая с изображением скелета, играющего на гитаре.

– По хер. Засунь свое бабло себе в задницу. Интересно, если бы этот гондон в фуражке протянул тебе ручку – ты бы ее поцеловал?

Зашла секретарша с подносом.

– Или ей в задницу вместе с…

Присвистнул, и отец тут же гаркнул:

– Пошла вон! Я тебя не звал! – обернулся к сыну. – А тыыыы. Чтоб глаза мои тебя не видели, и ключи от машины сюда положил, вместе с портмоне и карточками. Сам зарабатывай!

– Да ради бога! Срать я хотел на твои деньги!

Зеленые глаза парня сверкнули яростью. Он швырнул и кошелёк, и ключи на блестящий, отполированный стол. Генерал Галай протянул руку и схватил сына за плечо, разворачивая его к себе, но тот тут же сбросил его ладонь, глядя исподлобья на отца. Взгляд страшный, волчий. Как будто вот– вот кинется и загрызет живьем.

– Я уже одного сына потерял! Тебя не хочу! Не моими руками!

– Твоими… все было твоими руками, батя! Ты сам прекрасно знаешь. Твоими и… суки той паршивой. Ты даже ее не нашел! Ты был занят своей новой… дыр…

Замахнулся, чтобы ударить сына, но тот отшвырнул руку генерала.

– Заткнись! Не смей так говорить о Ирине!

– Как хочу, так и говорю. В отличие от твоих жополизов, только правду, которая тебе не нравится. Шалава твоя Ирина и живет с тобой ради твоего бабла! Все. Мне пора.

– Куда!

– На работу устраиваться!

Демонстративно чавкая жвачкой снова осмотрел портреты на стене, поправляя куртку и засовывая руки в карманы черных джинсов. Издевательски присвистнул.

– Ты с ними делишься награбленным или они с тобой?

– Неблагодарный щенок! Я тебя содержу! Я! Одеваю, кормлю, развлечения твои оплачиваю!

– О как! Упреки пошли! Забирай все! Трусы, хочешь, сниму?

Начал расстегивать джинсы, но отец пнул его двумя руками в грудь.

– Пошел отсюда. Клоун. Иди…учись. Иначе и оттуда вылетишь. Потому что ты ни на что не годный, бездарный, ленивый лоботряс. Тебе б только на гитаре брынчать и девочек трахать!

– Генетика, пап. Это все генетика.

– Да…генетика. Твоя мама прекрасно играла на…

– Замолчи. Не говори о маме. Никогда не говори о ней. Ты ее имя недостоин вслух произносить.

– Не окончишь универ, будешь на улице у метро играть, милостыню просить! Одна надежда была на Богдана. А теперь…

– А теперь его нет. А я – не он и им никогда не буду.

Развернулся и вышел из кабинета отца, хлопнув дверью. В кармане зазвонил сотовый.

– Эй, Демон, привет.

– Здаров.

– На репетицию вечером.

– Помню. А ты где? В универе?

– Да. В отличие от тебя, грызу науку всеми зубами.

– Я опоздаю. Отец тачку отобрал.

– Позвони одной из своих мамочек, пусть подкинет твой смазливый зад на пары. У нас преподша новая. Историчка. Ты бы видел ее. У меня сразу встал. Там такая телочка. Одевается стремно… но я б ей вдул.

– Ты бы всем вдул.

Перепрыгнул через низкий забор казенного учреждения и направился к остановке.

– Я у тебя сегодня переночую.

– Что? Твой предок в ударе и опять воспитывает?

– Узнал о ночном происшествии. Разозлился.

– Ну дык, поплакались, видать.

– Видать. Один в больничке лежит. Не хер было про брата ересь нести. Давай. Скоро буду.

– Историчка тебя не впустит. Заявила сегодня, что опоздавшие могут оставаться за дверью.

– Да пошла она.

Запрыгнул в маршрутку, стал у окна, сунул наушники в уши. Длинные тёмные пряди упали на лицо, закрывая светло– зеленые глаза.

– Посмотри на этого. Вырядился. Патлы, как у черта, серьга эта в ухе, весь разрисованный. Тьфу! Дьявол!

Усмехнулся, резко повернулся к бабке и оскалился. Она ойкнула и перекрестилась, когда он пошевелил языком со штангой посередине.

– Молитесь, бабуля, апокалипсис грядет! Войско дьявола уже вышло на улицы… а за ним смерть идет с косой. Забирает всех, у кого на кладбище прогулы стоят. Вы тоже там в списке. Перррваяя.

Бабка выскочила на первой же остановке, а Демьян сел на ее место и нагло посмотрел на вторую бабку.

– Бу!

Она дернулась и тут же уставилась в газету.

***

– Кого еще нет? – он услышал молодой голос из– за двери аудитории и резко ее распахнул, смачно втягивая воздух носом. Послышался смех. Его заметили.

– Ну меня. – и облокотился о косяк двери. На запястье пестреет татуировка с розами, черепом и крестами.

– НУ ТЫ, можешь выйти за дверь. У меня опозданий не бывает. Пойди погуляй.

Даже не обернулась.

– Буду первым вашим опоздавшим! – и нагло зашел в аудиторию. Не хватало, чтоб какая– то новенькая лохушка выгоняла его с пары. У него даже старая стерва Кузьминична ходит по струнке.

Вразвалочку направился к своему месту, проходя мимо невысокой преподавательницы намеренно посмотрел на нее свысока, показывая ребром ладони на свой пупок. Многие хохотнули, а он сделал сзади нее характерный жест руками и бедрами вперед– назад. Она на него не смотрела, что– то писала на доске. Очень стройная, волосы пшеничные, длинные собраны в хвост. Юбка чуть ниже колен. Одета отстойно. Интересно, из какой дыры приехала?

– Вам придется покинуть аудиторию! – спокойно сказала, продолжая выводить на доске какое– то идиотское название.

– А кто меня заставит?

– Я!

И обернулась к нему… Они застыли оба. Демьян изменился в лице. Ухмылка пропала, и зеленые глаза потемнели, стали почти черными. Желваки на выступающих скулах отчетливо задергались. Учительница изо всех сил сжала указку. Было видно, как побелели костяшки ее пальцев.

– Покиньте помещение. Я не допускаю вас к паре.

Осмотрел ее исподлобья и, не обращая внимание на руку, указывающую на дверь, уселся в первом ряду, нагло развалившись в кресле и вытянув вперед ноги в массивных ботинках.

– Значит, аудиторию покину я.

И вышла, продолжая сдавливать указку обеими руками.

Вы когда– нибудь видели, как падает под откос поезд? Как состав начинает набирать скорость и катиться вниз все быстрее и быстрее, а потом срывается с рельс и летит в пропасть, чтобы погрести под железными обломками все живое внутри себя, сплавить в одно целое? Он видел. Его собственная жизнь была похожа на этот поезд. Она так же набирала скорость, а потом полетела вниз в черную бездну.

Они развелись, когда Демьяну было десять. И он не знал, кого из них ненавидеть больше. Нет, он не разделял толерантного мнения, что каждому положено его счастье, не считал, что отец имеет право создавать себе новую жизнь с другой семьей в тот момент, когда его родные дети должны смотреть на все это и даже жить внутри этого лицемерия и лжи. Демьян считал его грязным предателем. Отец вдруг свалился с пьедестала в лужу с дерьмом и целиком в нем извалялся. Сыновья ненависть. Иногда она намного ядовитей, чем к кому– то чужому, особенно когда из– за козла, позволившего себе трахать молодую сучку, а потом

уйти к ней, разваливается жизнь. А отец, казавшийся силой и опорой, примером для подражания, вдруг становится предателем и просто озабоченным старым кобелем. Хрен с ним. Все изменяют. Но молчат об этом, не рушат семьи. А этот… Фамилию Галай месяцами трепали в газетах. Публиковали снимки заплаканной Марьяны и рядом с ними свежей белобрысой любовницы генерала СБУ Никиты Сергеевича Галая.

Это не просто вгоняет в диссонанс, это ломает изнутри. Его точно сломало, покорежило и изуродовало. В нем проснулся дьявол. Он там жил и раньше, просто у него не было повода поднять голову и злобно оскалиться. Но его хорошо кормили, ему давали достаточно сырого мяса, чтобы он захотел еще… чужого. Из милого школьника, который учился на отлично, занимался футболом и был примером для подражания Демьян стал тем, кого обходят десятой дорогой и мечтают не встретить в темном переулке. И ему это нравилось. Сына генерала СБУ таскают по обезьянникам, пишут заявления, жалуются, штрафуют. Все это портит сраное имя Галай, репутацию отца.

Первым, что Демьян сделал после развода родителей – это сжег машину отца. В пепел. В тлен. Они долго искали виноватого, даже приплели террористов, но, когда поняли, что это сделал сын, его уже притащили в полицию за первую кражу – он обворовал и разгромил магазин, который принадлежал папаше любовницы отца, и в довершение помочился на коврик у двери прямо перед камерами. Парень сделал это нагло и совершенно не прятался. Умные психологи заявили родителям, что это реакция на их развод, и они должны как– то постараться смягчить удар. Они смягчили. Лучше б они этого не делали. Самая паршивая правда всегда лучше самой вкусной и приторной лжи. Они сделали вид, что помирились. Сделали вид, что отец вернулся домой, и теперь все хорошо. И сказал младшему сыну, что все было ошибкой, и он понял, что любит его мать. Он сделал свой выбор. Демьян поверил… он очень хотел ему верить и простить его. Когда кто– то очень близкий тебе падает с пьедестала, то первое время ужасно хочется всеми правдами и неправдами поставить его обратно. Пока не обнаруживаешь, что на самом деле сам пьедестал был сделан из кучи навоза.

Демьян узнал всю правду спустя месяц. Им удалось выставлять его идиотом целый проклятый месяц. Заставили ходить к психологу все это время и рассказывать о том, что у него проблемы. А потом подросток застал отца с той белобрысой сучкой, целующихся в машине на парковке одного из дорогих ресторанов. Он долго смотрел на них, желая зарезать обоих. Но увы, этого не

сделал. Промолчал, наблюдая, как отец и дальше продолжит им лгать.

А над психологом его внутренний дьявол начал ставить опыты. Ему было интересно, что случится, если он начнет демонстрировать ей симптомы различных психических заболеваний и вводить ее в ступор? Демьян кайфовал от того, как менялось выражение ее лица, как она строчит что– то в своем блокнотике, бросая на него обеспокоенные взгляды, подсовывая разные тесты и пытаясь испробовать разные методики. А он тем временем изучал психологию сам и издевался над ней. Тогда Демону впервые захотелось поиграться… посмотреть, как это, когда не из тебя делают идиота, а ты из кого– то. Каково это – сожрать чужую боль. Будет ли ему вкусно? И даааа, было безумно вкусно, потому что он ощутил власть. Демон соблазнил ее. Своего психолога. Потому что все женщины – шлюхи! Это было довольно просто. У каждого есть свои тайны, свои слабые места, свои болевые точки. Она изучала его, а он изучал ее. Нашел школу, в которой она училась, выведал, что над Олесей Гордеевой там издевались, называли толстухой и забрасывали ее объедками с тарелок, едва она появлялась возле столовой. На самом деле эта холенная дама с пышными светлыми волосами и спокойными карими глазами – всего лишь изнурившая себя диетами маленькая девочка, которая долгое время лечилась от анорексии и стала психологом, чтобы защититься от таких ублюдков, как Демьян Галай. Она второй раз замужем. Детей нет. Он не стал разбираться, почему она развелась с первым мужем. Демьян изначально занес ее в свой черный список. Она была достойна его мести. Как и шалава Ирина.

Гордеева хотела о ком– то заботиться – он дал ей заботиться о нем самом, и она это делала даже лучше его родителей, чем выводила Демона из себя еще больше. Так как те спали в одной комнате, но на разных постелях, и продолжали делать вид, что у них все хорошо, пока отец трахался с такой же пышнотелой блондинкой, а мать начала заглядывать в бутылку.

Демьян делал то же самое – готовил им бомбу замедленного действия. Втереться в доверие к Олесе Петровне не составило труда.

Переспать с ней оказалось делом времени. Жалость творит чудеса. Говорят, что на ней далеко не уедешь? Ложь. Любимое занятие женщин – этого кого– то жалеть, чувствовать себя спасительницей, мамой Терезой. А потом холить и лелеять объект своей жалости, одаривая его лаской и любовью. Невзирая на то, что на самом деле жалости достойна она сама, а не тот моральный урод, которого она попыталась спасти от несправедливости жизни. Жалеть надо

далеко не всех. Маленькая блондинистая психолог просчиталась и пожалела самого демона, который готовил ей западню.

Вначале она отвезла парня несколько раз домой, так как он сидел у двери ее квартиры с несчастным видом, потом она разрешила ему переночевать после ссоры с родителями. Ее муж как раз уехал в командировку. А затем это начало происходить с завидным постоянством, пока в одно прекрасное утро она не проснулась со своим пациентом в одной постели. У нее дома. Под невидимым оком маленькой дешевой видеокамеры, чтобы уже на следующий день остаться без работы, развестись с еще одним мужем и укатить в неизвестном направлении, потому что компромат был выставлен во все соцсети.

Оооо, это был красивый скандал. Великолепный. Грандиозный скандал. Демьян чувствовал себя героем, королем, он пожирал эту боль, которая обрушилась на него со всех сторон, смаковал ярость отца, наслаждался недоумением матери, которая не верила своим глазам, когда поняла, что он не ночевал дома и сбегал на свидания у них под самым носом. Но больше всего Демьян насладился болью Олеси. Она почему– то олицетворяла для него ту грязь, то дно, которое рушит семьи и жизни. На самом деле удовольствие было недолгим. Оно испарилось, и его сменила жалость иного рода… не такая, как у Олеси была к пациенту, а именно та, которую никто не хотел бы в ком– то вызвать. Он понял, что испортил ей жизнь, принес ее в жертву своим обидам и злости на родителей. Он отомстил ни в чем не повинной женщине, чтобы заставить ужаснуться отца и мать и в открытую начать плеваться ядом друг на друга, уже не скрывая от младшего сына своей лютой ненависти.

Глава 2

Закрой глаза, и будем лететь туда,

Где звезды сгорают дотла; и где якорям не достать никогда.

Мы будем лететь с тобой, где летний шумит прибой;

Нас не найдут, не найдут никогда!

Мы будем лететь туда,

Где звезды сгорают дотла; и где якорям не достать никогда.

Мы будем лететь с тобой, где летний шумит прибой;

Нас не найдут, не найдут никогда!

Расскажи мне, ветер, куда делся вечер –

Там, где были вдвоем, летать на седьмом небе.

Где кометы неприметным следом рисовали любовь,

А нам так было плохо.

Но где теперь сейчас тебя искать;

Куда бежать, куда звонить, кричать?

Но знаешь, есть у меня мечта –

Убежав, отпустить все полюса.

(с) Леницкий. Никогда

– Поймите, Михайлина Владимировна, вам надо научиться ладить даже с проблемными учениками… Тем более Демьян… он специфический парень, со сложным характером.

Я знала, какой он – Демьян Галай и какой у него характер. Не знала только, что увижу его снова. Мне сказали, что они переехали после трагедии. И я была не готова… совсем не готова. К войне. Я надеялась, что все осталось в прошлом, что, вернувшись в родной город, я больше никогда не вспомню о Галаях и том, какую боль они мне причинили.

– Можно ли дать мне другую группу? Сейчас только начало семестра, я могла бы…

Ректор пожал плечами и сел в кожаное кресло, откидываясь на спинку.

– Какую другую группу? Знаете, что… Михайлина Владимировна, мне вас порекомендовал хороший человек. Я сделал ему одолжение по старой дружбе, но, если вы не справляетесь, вы можете написать заявление об уходе.

И поднял на меня колючие глаза, полные неприязни. Я ему не нравилась еще с самого первого момента. И он отказал мне в работе на первом же собеседовании. Но ему позвонили. Ради меня. Старый друг моего отца.

– Я справляюсь.

– Надеюсь. Я вам сразу говорил, что у нас преподаватели серьезные, взрослые, умудренные опытом. Это престижный университет, и здесь учатся дети высокопоставленных лиц. Галай один из них. И либо вы найдете способ наладить общения со студентами, либо вам эта работа не подходит. Идите в школу. Там

будет легче.

Я вышла из кабинета ректора с горящими щеками. Будто мне надавали пощечин. Да, я не ожидала, что встречу здесь его… для меня это жестокий удар. И отказаться от работы не могу. Мне нужны деньги… очень нужны. В школе я так зарабатывать не буду.

Зашла в туалет, плеснула воду в лицо, закрывая глаза, чувствуя, как жар отступает.

– Это мой брат, Демон. Знакомься.

Страшный взгляд исподлобья, длинная челка, зеленые глаза волчонка. Смотрит так, что мороз по коже пробегает. Взгляд совершенно не детский, как и изгиб губ. Презрительный. Руки в карманах, длинная шея вытянута чуть вперед. Одновременно и жуткий, и красивый. Еще угловатой красотой, но скорее отталкивающей. Я бы не решилась встретиться с таким в темном переулке.

– Не думал, что ты теперь трахаешь таких убогих. У тебя испортился вкус? На какой помойке ты ее нашел?

Улыбка с моего лица тут же пропала, и я стиснула пальцы так, что они захрустели.

– Думай, что говоришь, Демьян. Михайлина – моя невеста.

– Очередная шлюха– блондинка? У тебя к ним слабость, как у папаши?

От воспоминаний отвлекла Наталья Ивановна. Она зашла в туалет и громко говорила по сотовому, запираясь в кабинке, которая дергалась и тарахтела, пока та примащивала в ней свое грузное тело.

На секунду подумала о том, что я здесь делаю. Зачем я здесь. Почему уехала из тихого места именно сюда… Потому что ты должна была уехать, потому что только здесь есть шанс для Поли.

Я медленно поднялась по лестнице. Зайти снова в аудиторию означало проиграть, означало, что у меня ничего не вышло. Выдохнув, я толкнула двойную дверь и замерла на пороге. Студенты столпились в кучу. Они хохотали и что– то рассматривали.

– Это что – Китай или Корея? На каком вонючем рынке она это купила?

– Посмотри, там нет ее трусиков?

– Ты хотел сказать, бабушкиных парашютов?

– Глянь, а гондоны есть?

– Опачки, тампоны. Четыре капли.

– У телочки сегодня месячные.

Кровь прилила к лицу, меня пошатнуло, и сердце дернулось, поднимаясь к горлу. Они…они рассматривали мою сумочку. Демон уселся на стол и вытаскивал по одному предмету, а все остальные дружно ржали. Бросилась к ним.

– Отдай! Как ты смеешь! Тыыы!

Наглый ублюдок вскочил на стол ногами, поднимая сумку вверх. Он изменился. Повзрослел. Его страшный, волчий взгляд теперь повзрослел. Вместе с ним наверняка повзрослела его жестокость, цинизм и…хищность. Мне стало не по себе. Где– то вдалеке возникла злорадная мысль, что я рада тому, что он страдал. Что жизнь его побила и потрепала. Жаль только не сломала. Эта жестокость, равнодушие, надменность – все осталось в ледяных глазах. Светлые, неживые. Больше похожие на цвет трясины в болоте, наполненные высокомерием. Он меня пугал… как и раньше, если не сильнее. Он – враг. Я это ощутила всей кожей. Смертельный враг. Настоящий.

– А ты отбери.

– Не ты, а вы!

– Тыыыыы, – нагло выпячивая губы, глядя на меня, как на вонючее насекомое, – для «вы» надо дорасти.

– Сумку отдай!

– Отбери!

И никто ничего не говорит. Они смотрят. Все. С любопытством, с интересом и азартом. Кто– то снимает на телефон. Обступили кругом. Если меня разорвут на части – это будет лишь интересный сюжет для инстаграма.

– Нирвана, дверь придержи там, а мы поиграемся. Эй… смотри, твоя сумочка с твоими тампончиками. Какие еще секреты в ней есть? Вибратор? Вряд ли тебя кто– то…такую жалкую.

Вся красная, дрожащая от стыда, унижения и неверия, что это действительно происходит, я влезла на стол, чтобы отобрать у него сумку. Но проклятый подонок высоко поднял руку вверх и просто дергал сумкой, как приманкой.

– Але ап. Ап. Ап. Прыгай. Давай. – потом наклонился ко мне. – Можешь попросить. На коленях. Я верну.

– Отдай! – дрожа от ярости, задыхаясь, стараясь не расплакаться, я вцепилась в его руку. – Отдай немедленно!

– Попроси!

– Ты…ты – подонок!

– Демон, кажется, сюда идут. Все. Закругляйся.

– Шлюха! – выцедил мне в лицо и швырнул сумку на пол. Все содержимое высыпалось, покатилось по полу. Он соскочил ловко со стола, наступил массивной подошвой на маленькое зеркальце, выпавшее из моей сумочки, и, толкнув плечом нескольких студентов, вышел из аудитории.

***

Они разъехались на следующий день. Потом продали дом, поделили все имущество. Это было мучительно – смотреть, как какие– то чужие люди выносят мебель, рассматривают технику, прицениваются ко всему, что когда– то являлось для них с братом семейным счастьем. Адвокат генерала вытряс всю самую мерзкую грязь о бывшей жене, доказал, что она стала алкоголичкой и не может заботиться о сыновьях. Они все переехали в новый огромный дом, а мама – в квартиру бабушки, которая умерла незадолго до этого апокалипсиса. Отец давал какие– то деньги, но она не брала. Тогда еще не брала.

Блондинистая мачеха думала, что ей удастся поладить с пасынками или справиться, но она сильно ошибалась. Демьян не собирался жить под одной крышей с ней и со своим озабоченным папашей. Он не просто их ненавидел, его трясло от этой ненависти. Его от нее корежило. Едва видел отца, как в нем просыпалась жажда убивать. И не просто убивать, а как в фильме ужасов, чтоб потом блевали полицейские и люди в панике обходили дом стороной. Но вместо этого Демьян обозвал свою мачеху корыстной шлюхой, когда она попыталась его воспитывать, и наслаждался ее слезами.

Брат был умнее. Всегда пытался охладить пыл Демона. Стать между ним и отцом. Все уладить. Он всегда был умнее и сильнее своего младшего брата. Демьян им восхищался, и он ему завидовал. Умный, красивый, сильный, чемпион по боксу, отличник. Отец пророчил ему великое будущее.

А Демон – отброс. Бездарность и неформал. Аутсайдер. Поэтому ему можно трепать нервы этой сучке, из– за которой он теперь не мог жить с мамой. Это оказалось намного вкуснее Олеси и ее сочного тела. Это оказалось сродни глотку кислорода после того дичайшего удушья, которое он испытывал, когда узнал…узнал, что его отец, такой крутой, известный, властный… кумир, банально трахает молодую шлюшку, обманывает мать, предает семью. Лжет Демьяну, брату. Лжет всем. Ради вот этой тупой, губастой телки, которую мог поставить раком даже сам Демон. Предпочел их скромной маме, которая целыми днями готовила еду, занималась домом, оберегала семейный очаг… как же ей было далеко до этой дряни во всех смыслах. И от этого Демьян злился еще больше и люто презирал всех других женщин, кроме матери. Они были для него олицетворением лжи и грязи. Порока и вони. Что не мешало ему этим пороком наслаждаться и доказывать самому себе, да и им, кто они такие на самом деле. Просто шлюхи. Все до единой. Даже самая чопорная и святая из них на поверку

может оказаться последней похотливой дрянью.

Он их коллекционировал, собирал в некий дневник памяти без имен и фотографий, но каждый раз с галочкой, что на одну развратную сучку в этом мире стало больше. Это было диким удовольствием – смотреть на их залитые слезами лица, когда он махал им ручкой после бурного секса, а затем скидывал в сеть их голые задницы и груди. Впрочем, они и сами прекрасно умели постить подобные фото на своих страничках в соцсетях и при этом надеяться встретить чистую и светлую любовь. После того, как Демон оскорбил свою мачеху в очередной раз и толкнул ее в бассейн, когда она назвала его мать дурой, его все же отпустили на все четыре стороны. А точнее, просто дали уйти жить к маме.

Демьяну удалось создать для них всех видимость ее благополучной жизни… а на самом деле он знал, что мама давно опустилась и мало походит на себя саму. Но он долгое время слал себе открытки от ее имени, склеивал в редакторе поддельные фото ее счастливой жизни, показывал их всем… а точнее, оставлял на открытом месте так, чтоб они увидела. У мамы все хорошо. Тогда он не думал, что все знают о его лжи и втихую насмехаются над ним.

Отца надолго не хватило. Он сделал выбор между сыном и своей нынешней женой. Выбор в ее пользу. И Демьян был счастлив его выбору, потому что именно этого и добивался. Жалко было лишь расставаться с братом… Он любил Богдана восторженной любовью. Даже сильнее, чем отца. Потому что в детстве именно старший брат проводил с ним больше всего времени, воспитывал, защищал, жалел. Пока Демьян не стал подростком и пошел на борьбу, после этого их роли изменились, и они друг от друга отдалились, но это не мешало Демону фанатично любить брата. И потом не помешало его возненавидеть. Из–за ревности к девушке. К девушке Богдана.

Глава 3

И, знаешь, в жизни не бывает так,

Чтоб два сердца в унисон любили.

Кто– то любит и вечно ждет,

Кто– то позволяет, чтобы их любили.

Так у нас и было, меня это бесило.

Я отдавал, ты отбирала. Я вновь обессилен.

Наивный слишком или чувства остыли.

Стелиться под ноги твои давно не в моем стиле.

Слишком поломаны были наши сердца,

Искрами грели наши чувства без тепла.

Истину слышал от чужих, не от тебя.

Ты хотела убежать, но держалась, как скала.

Хоть и говорил, что все вернуть не поздно –

Я ошибался, у нас все было несерьезно.

Ты не давала мне ответов, одни вопросы.

Голая правда одета в парадоксы.

(с) Леницкий. Люблю

Когда Демьян приехал к матери…. там царили хаос и полная деградация. Это только на суде она выглядела моложаво, храбрилась и держала себя в руках. А на самом деле ее подкосила измена отца. Она сделала из мамы подобие человека. Днем она работала в магазине, раскладывала товар, а ночью бралась за спиртное. Она с трудом узнала собственного сына сквозь марево алкоголя. У нее был очередной запой, с работы уволили. Демьян приехал поздно вечером, нашел ее в нескольких метрах от дома на скамейке, отнес в квартиру, где царил не просто хаос, а самое настоящее бедствие. Практически никакой мебели, пустые бутылки, выкрученные лампочки, вонючий сортир и пустой холодильник. Вместо кровати матрас на полу. Возле двери на соломенном коврике спала ее собака Челси. Немецкая овчарка с подбитой лапой. Демьяна она встретила злобным рыком и вздыбленной шерстью, но подружились они с ней очень быстро – позже собака помогла ему затаскивать пьяную мать в квартиру… держала дверь мордой, а потом облизывала Марьяну с ног до головы и жалобно скулила.

Все, что мать зарабатывала, она пропивала. На человека Марьяна теперь мало походила, да и на себя саму тоже. Испитое лицо, осоловевший взгляд. Сын тогда устроился на работу вместо нее. В магазин грузчиком. Да, он смог. После роскошного дома отца, где даже воду в сортире сливали уборщицы и горничные,

он таскал на себе ящики с овощами, зарабатывал копейки и кормил мать, у которой уже начались проблемы с желудком и печенью. Уроки музыки и игры на гитаре были заброшены, только по ночам играл, сидя на полу, закрыв глаза и напевая очень тихо одну из собственных песен.

Когда– нибудь я стану птицей.

Когда– нибудь взлечу на небо,

Чтоб никогда не возвратиться

Туда… где нету даже хлеба…

Туда, где вонь, где грязь и слезы,

Где пропитались стены кровью,

Где омертвело на морозе

Все то… что кто– то звал любовью.

(с) Ульяна Соболева

Свои первые татуировки он набил после третьей зарплаты в грязном подвале у мастера Кеши, который хлестал с горла виски и пыхтел марихуаной в лицо Демона, удерживая косяк зубами и старательно вбивая в смуглую кожу подростка шипы усохших роз, обвивающих человеческий череп.

Жизнь вроде как налаживалась. Долги по квартплате выплачены, чистота, в холодильнике водится еда, и мать медленно вышла из запоя. Она плакала, как ребенок, валялась у Демьяна в ногах и умоляла простить ее, просила показать фотографии Боди, целовала их, снова плакала и клялась, что больше не притронется к спиртному. Обещала, что они начнут новую жизнь. Она попробовала. Честно, по– настоящему попробовала. Но не вышло…

Работали они вместе по вечерам. Мать уборщицей в поликлинике, а сын грузчиком на вокзале. Утром Демьян устроился в школу. Самую простую школу,

не лицей и не колледж, и даже умудрялся неплохо учиться, найти себе друзей, перетрахать новых девчонок. И даже начать забывать о своей ненависти к отцу… точнее, чувствовать, как эта ненависть притупляется.

А потом мать сорвалась. Демьян вернулся с ночной смены и застал ее с собутыльниками, пропивающими его деньги, которые спрятал на новую электротехнику в квартире. Он вытолкал их за дверь и… один из них в драке пырнул парня ножом под ребро. Мать тогда сразу протрезвела, вызвала скорую. Опять рыдала и божилась, что больше это не повторится, и что ради младшего сына она бросит пить.

Демьян снова поверил… а когда вернулся из больницы, застал у себя дома полицейских. Мать повесилась на бельевой веревке в тесном коридорчике и написала предсмертную записку. Всего несколько предложений.

«Никогда не верь людям, сынок. Они высушат тебе мозг, выжрут твою душу и превратят тебя в тряпку. Никогда не отдавай никому свое сердце или останешься с дырой в груди, как я. Прости меня… мне нечего тебе дать. Возвращайся к отцу».

Ее похоронили на кладбище для нищих без памятника, у дороги. Только дощечка с именем. Демьян и Челси провели там три дня. Спали на куртке у ее могилы. Парень разговаривал с мертвой матерью так, как если бы она была жива и слышала все, что он говорил. На четвертый день его нашла полиция и увезла в участок. Оказывается, его искал отец вместе с волонтерами и соцработниками. Искал… всего– то пришел бы на могилу к бывшей жене, родившей ему двоих сыновей… Но куда там. У него теперь своя семья, и беременная жена вот– вот родит.

Демьяну пришлось вернуться домой… уже совсем другим человеком. Он не просто ненавидел, он сам стал этой ненавистью во плоти. Но он не хотел закончить, как его мать… а для другой жизни нужны деньги. Деньги отца. И Демьяну придется на время смириться и на многое закрыть глаза, прежде чем сможет отомстить и сучке мачехе, и козлу отцу.

Но его ждал сюрприз, за этот год многое изменилось.

– Эта шавка не будет жить в моем доме! – отец брызгал слюной и указывал пальцем на ворота, пытаясь отпихнуть от себя Челси ногой. – Вышвырни ее вон!

– Я уйду с ней вместе!

– Ну и вали. Поживешь в подворотне. Тебе полезно.

Мачеха молчала, наглаживая круглый, выпирающий живот. Еще одно доказательство, что отец ее трахал. Старый, вонючий урод. Трахал, пока моя мать… пока она спивалась и медленно без него разлагалась. Предатель гребаный!

Ворота открылись – вернулся брат. Припарковал машину, ловко распахнул дверцу, обежал вокруг и подал руку хрупкой, стройной девушке с длинными пшеничными волосами, развевающимися на ветру, и ясными голубыми глазами, в которых отразилось небо.

– Папа, Ира, Дёма, знакомьтесь – это моя невеста Михайлина.

Знакомиться никто не бросился. Отец сухо кивнул и ушел в дом, а мачеха вяло улыбнулась и последовала за ним.

– Какая милая собачка! – девушка наклонилась к Челси и потрепала ее по голове. Овчарка завиляла хвостом, прижала уши и принялась облизывать руки Михайлины, а та присела на корточки и трепала ее за шею, наглаживая тонкими руками, улыбаясь, привстав на одно колено. Ноги у нее длинные, стройные, платье их облепило, подчеркивая бедро и обнажая округлое колено, в вырезе платья мелькнула тяжелая грудь, спрятанная под кружево нижнего белья. У Демьяна пересохло в горле, и он с трудом проглотил слюну.

Богдан повернулся к брату, проводив взглядом отца.

– Он сегодня не в духе. А ты чего вернулся?

– Мама умерла.

Богдан ничего не сказал, опустил глаза, чуть прищурился.

– Понятно. Так ты теперь с нами жить будешь?

– И..все? Ты ничего больше не скажешь? Ни слова? Ты.. – Демьян пнул его изо всех сил в плечо.

– А как зовут вашу собачку?

Они вместе обернулись к девушке, порыв ветра резко приподнял край платья, и Демьян успел увидеть кружевные трусики и голые ноги.

Глава 4

Когда– то наша семья тоже была «с деньгами». А потом отца обвинили в денежных махинациях, посадили за якобы хищение крупной суммы, а в тюрьме его зарезали в драке. Виновному добавили еще пару лет тюрьмы, а папу мы тихо похоронили.

За пару месяцев из более или менее обеспеченной семьи начали превращаться в бедноту. Маминых денег катастрофически не хватало. Она никогда не работала особо, а теперь устроилась в швейный кооператив. Это все, что она умела делать. Меня и Леньку на работу не брали. Мне еще и семнадцати не было, а ему пятнадцать всего. Мама тянула все сама, шила дома, шила на работе, днем и ночью. От недосыпа у нее круги под глазами были размером с черные блюдца. Она начала продавать вещи, мебель, книги. В школе нас начали называть не только детьми преступника, но еще и нищебродами. От нас отсаживались подальше, и с нами никто не общался. Это было невероятно жестоко и больно. До этого момента я никогда в жизни не дралась и ни с кем не ссорилась, кроме бывшей подруги Юли несколько месяцев назад, но все менялось слишком стремительно. Жизнь заставила нас всех стать другими людьми.

***

– У Ярошенко вши. Я видела, они копошились у нее в голове. Фуууу! Не садитесь с ней! Вшивая, грязная дочка вора. Тебе не снятся по ночам люди, которых обокрал твой отец?

Юлька тыкала в меня пальцем и кривила смугловатое лицо, морщила свой длинный нос и поджимала брезгливо губы, а я ведь дружила с этой стервой и даже любила ее. Она на мой День рождения приходила. Все они приходили, когда у нас все хорошо было. Обычно такие истины познаешь, уже став взрослым, а мне они открылись, когда едва исполнилось семнадцать. Я бы сказала, что это дети жестокие, что подростки многие такие, но нет. Все закладывается в нас родителями. Я избила ее тогда. Оттаскала за кудрявые патлы, а потом обрезала их ножницами для творчества почти под корень в некоторых местах и залила их канцелярским клеем. Дети нас не разнимали. Меня побаивались. Дочку вора, который по сплетням был даже убийцей. Нет, я была спокойным ребенком. Не конфликтным. Но в тот день со мной что– то произошло, и мне захотелось сделать ей больно. За то, что унизила меня, за то, что у нее все хорошо, и ее отец жив, за то, что у нее в рюкзаке сэндвич, а у меня – пара сухарей и кусок сахара. За то, что ее мать на машине привезла, а я на велике ехала с другого конца города, и денег на школьный автобус этого элитного гадюшника у мамы теперь нет.

Разняли нас учителя. Потащили обеих к директору. Там– то я и поняла, что детей всему учат родители. Мать Юли, та самая, что распиналась в комплиментах моей маме и нахваливала ее пироги, в этот раз обозвала ее похотливой курицей с выводком и сказала, что она нисколько не сомневается, что у нас у всех вши, и вообще, мы все дурно пахнем. Она напишет жалобу, чтоб к нам пришли соцработники, и вообще, в такой приличной школе не должны учиться оборванцы.

Мне хотелось повырезать патлы и ей, но мама крепко держала меня за руку, и я не хотела расстраивать ее еще больше. Наш директор Коновалов, похожий на облезлого попугая с лысой головой и хохолком на самой макушке, оставшись с нами наедине, сказал, что мама должна оплатить все долги, иначе он будет вынужден отчислить меня из учебного заведения.

В тот вечер мама продала обручальное кольцо, сервиз, который подарила ей моя бабушка, наш ковер и свое свадебное платье. Но денег нам все равно не хватило. Ночью я проснулась от звука сдавленных рыданий. Маму я нашла на

кухне на полу. Она облокотилась о стену и плакала навзрыд. Помню, как обняла ее и прижала к себе. Гладила по голове и укачивала, как ребенка.

– Не плачь… не надо! Ну и черт с ней, с этой школой. Пусть сгорит она! Давай уедем? Найдем жилье дешевле. Я работать пойду и Ленька. В маленьком городке его обязательно возьмут.

– Как? Как уедем? А ваша учеба… отец мечтал…мечтал, что вы выучитесь, что… ооох. Как же так? Почему его убили? Почему именно его? Почему все развалилось именно сейчас?

На эти звуки пришел Ленька, пятилетний Илья и двухлетняя Даша. Мы вместе вытирали маме слезы, прижимались к ней и обещали, что все будет хорошо. Но все решили не мы. Через три дня пришли судебные приставы и потребовали оплатить за дом или освободить его в течение двух недель. Оказывается, у нас выросли огромные долги.

Так мы и перебрались в захолустье, в лачугу из двух комнат, с кухней в два метра и туалетом с разбитым унитазом и незакрывающейся форточкой. Когда справляешь нужду, в задницу дует сквозняком, всю ночь течет с бочка, и тараканы бегают по стенам. Поначалу вечно капающая вода бесила и не давала спать, потом мы все привыкли, как и к грохоту пахнущего мочой и исписанного нецензурными словами лифта. Мама все так же ездила на свою фабрику, а я смотрела за младшими, собирала в садик, искала, что дать на завтрак. Мать приходила с работы в двенадцать ночи и уже в шесть утра вставала. До двух она готовила нам есть, если было из чего. А если не было, пекла лепешки на воде и муке, присыпала сахаром и складывала нам в пластиковые коробки. Да, так живут и сейчас. Да, и сейчас люди голодают.

Мы с Ленькой ездили в единственную в этой дыре школу на велосипеде. Велики еще отец покупал. Хорошо, что на вырост. Помню, как я до педалей не доставала, а он смеялся, как мальчишка, и говорил, что у меня обязательно вырастут ноги от ушей, и я буду самой красивой девочкой во Вселенной. Насчет самой красивой я не знаю, но ноги выросли, и правда. Иногда они мне казались длинными и тонкими шпалами с торчащими коленками и жуткими выпирающими бедрами. Зато до педалей прекрасно доставали.

Потом Илья заболел. Мама пыталась лечить его сама, оставляла нам лекарства, которые ей давала какая– то соседка из дома напротив, но легче ему не становилось, он кашлял и сипел по ночам, задыхался. Он умер в больнице от острой пневмонии, а мама после его смерти слегла и не вставала. Смотрела пустым стеклянным взглядом в стену и шевелила бледными потрескавшимися губами. Она вообще ничего не ела. Целыми днями лежала, уставившись в одну точку. Ни с кем не говорила. Соседка притащила к нам ту бабку, что лечила Илью, и она сказала, что маме никто не поможет, кроме нее самой, и от этого лекарства нет. Ей бы психолога хорошего, но, если идти к бесплатному, маму заберут в психушку, а нас с Ленькой и Дашей отправят в детдом, и не факт, что в один и тот же.

Именно тогда я устроилась уборщицей и официанткой в зачуханное кафе, а Ленька грузчиком у француза Альберта Монпасье в небольшом супермаркете. Но первую зарплату мы должны были получить только через неделю, а дома даже корки хлеба не осталось. Я научилась лепить лепешки, как мама, но и мука у нас закончилась тоже. Даша плакала и просила есть, а мне казалось, я попала в самый настоящий ад именно сейчас. Зашла к маме, но она даже не услышала мой голос, по– прежнему лежала на боку в грязном, вонючем платье, которое так и не сняла со дня похорон Ильи. Его смерть заставила всех нас повзрослеть. Мое детство закончилось именно тогда, когда я заменила в семье мать, а мой брат не ходил больше в школу и работал на двух работах.

Из еды у нас оставался сахар и гнилая картошка. Точнее, не сахар, а остатки, они присохли ко дну банки, в которой его держала мама, и я сделала нам всем конфеты, растопила сахар в ложке, сунула туда спички и остудила. Раздала всем по одной и загнала Дашу в постель, предварительно ополоснув ее нагретой в кастрюле водой. Горячей из крана у нас не было, это слишком большая роскошь. Уснула я каким– то тяжелым сном, словно, что– то давило меня каким– то мерзким предчувствием. Ощущение крадущейся беды.

***

Проснулась от звука шагов и тихо прикрываемой двери. Вскочила, оглядываясь по сторонам. Тут же бросилась в комнату мамы, но там ничего нового не увидела – она не вставала. Я тяжело выдохнула и только потом заметила, что Леньки

нет. Не знаю, почему побежала за ним. Наверное, то самое предчувствие пульсировало у меня в висках и не давало успокоиться. Но я как знала, куда он пошел. Голодный мог пойти только в одно место – туда, где есть еда.

Его велосипед я увидела у забора в кустах. Я перелезла через ограду и бросилась туда. Ленька открыл окно на складе магазина Альберта и выносил оттуда продукты, складывая их в мешок возле стены. Схватила брата за руку и дернула к себе. От неожиданности он вначале схватил меня за горло, впечатывая в стену, а потом разжал пальцы.

– Какого черта, Михась?!

– Не делай этого! Ты с ума сошел! Давай уходить, пока нас не заметил никто. Тебя посадят. Заберут от нас, понимаешь?

– Не сошел я с ума! – рявкнул брат и оттолкнул меня. – Не посадят! Хватит! Надоело голодать. Я сегодня хотел съесть крысу, Мишка, понимаешь? КРЫСУ! Я прям представил, как жарю ее на огне и впиваюсь в нее зубами, и не ощутил ни капли брезгливости. Все. Хватит. Я всех накормлю и маму тоже. Мы не будем голодать.

Я тяжело выдохнула. Сегодня я сама была готова съесть что угодно.

– Тогда давай вместе и быстро.

Мы шустро тягали банки с консервами, колбасу и сыр, пока Ленька вдруг не взял меня за руку и не притянул к себе, вкладывая что– то мне в ладонь.

– Смотри, Мишка, я нашел у него шоколад. Помнишь, когда– то давно, когда мы жили в ТОМ городе, мы покупали эти плитки в супермаркете? Мама их любила. Она говорила, что отец, каждый раз возвращаясь с задания, привозил ей этот шоколад.

Конечно, я помнила. Хорошую жизнь помнишь хорошо, особенно когда она стала больше похожа на сказочный сон, так как ценить начинаешь только тогда, когда теряешь. Сейчас я с ужасом вспоминала, как мы выбрасывали хлеб, недоеденные йогурты, колбасу или сыр, если они казались нам несвежими.

Разве кто– то мог тогда предположить, что мы будем голодать. Я бы сейчас за кусочек колбасы отдала все на свете и даже убила кого– то. Наверное.

Мы съели около трех плиток шоколада. Я – глотая слезы, а Ленька так быстро, что у него руки тряслись и челюсти скрипели. И так увлеклись, что не заметили, как пикап шестерки Альберта, который вечно командовал Ленькой, тихо припарковался позади здания, и сам он, вместе со своим людоедом стаффордом Чаком и небольшим фонариком двинулся в нашу сторону.

– Эй! Кто там?

Заорал он и бросился прямо к нам. Это было неожиданно. Разомлевшие от шоколада, мы потеряли бдительность.

– Бежим! – рыкнул Ленька, схватил мешок, но тут раздался выстрел, и мы вдвоем пригнулись.

– Ублюдок! Пришел с ружьем! Кто– то настучал ему, что мы здесь. Какая– то тварь нас заметила. Давай, Мишка, быстро– быстро!

Но уже у забора Ленька вдруг упал и подвернул ногу. А я как раз успела залезть на ограду, но тут же спрыгнула обратно, осмотрелась по сторонам, увидела большую палку, схватила ее и затаилась в кустах, едва лысоватый придурок Кирилл выскочил оттуда – я изо всех сил ударила его палкой по затылку. Он снова куда– то выстрелил, свалился на землю, проехался по грязи толстым брюхом, но все же успел схватить меня за лодыжку и потянуть на себя с такой силой, что я тоже упала.

– Бегиии! – закричала я изо всех сил, пытаясь вырваться. Но мужчина легко со мной справился и подмял под себя, а потом направил мне в лицо луч фонарика, а сам выстрелил вслед моему брату.

– Ах ты ж дрянь малолетняя! Это кто с тобой был? Братец твой? Ух, я вас тварей засажу!

– Неет, – я быстро покачала головой, – я сама. Он вообще не при чем. Я узнала, где он работает, и украла у него ключи от склада. Отпустите.

– Что взяла, гадина?

Я бросила взгляд на мешок, который Леня так и не успел забрать, и перевела взгляд на Кирилла.

– Ничего. Вы меня догнали.

Он дернул меня к себе еще ближе и посветил снова в глаза, потом ниже. Долго смотрел куда– то, покусывая мясистые губы, потом причмокнул и закряхтел.

– Я могу забыть все, что тут произошло, если ты будешь ласковая со мной и попросишь прощения. А ты стала очень хорошенькой курочкой из общипанного утенка.

Он облизнулся, и меня от мерзости затошнило. Я плюнула ему в рожу и таки вцепилась в нее ногтями, поддала ему коленом в пах и, едва он с воем перекатился на спину, схватила его ружье и наставила на него. В эту секунду послышался вой сирен, здание склада окружили со всех сторон. Я думала, их Ленька вызвал. Я еще не знала… Я еще ничего не поняла. Увидел, что жирный меня давит, и вызвал ментов. А может, и знал, на что тот способен.

– Сядешь, стерва! Надолго сядешь! – рычал ублюдок, поднимаясь с земли, сначала на четвереньки, цепляя пузом грязь, а потом на колени, и, пошатываясь, неуклюже стал в полный рост. Потрогал затылок и посмотрел на окровавленные пальцы. – Ты меня чуть не убила! И магазин ограбила!

А он убил Леню. Тот выстрел вслед. Прямо в сердце. И не только Леню… и мою маму, которая не перенесла смерть еще одного сына. Это случилось очень быстро, как случаются самые ужасные вещи… Если бы я знала, что это был последний раз, когда я говорила с братом и видела его живым… если бы знала, что через неделю умрет мама… Но нет никаких предчувствий. Это все болтовня, выдумки. Я ничего не предчувствовала, я вдруг похоронила еще одного брата, маму и осталась одна с двухлетним ребенком. Мне было семнадцать… ее, конечно же, отобрали и отправили в детский дом. Но это случилось позже… А тогда меня сразу же забрала полиция. Едва они заскочили на территорию склада, увидели меня с ружьем, мне тут же приказали поднять руки и лечь на землю.

Богдана я встретила в СИЗО. Потом я узнаю, что попал он туда из– за младшего брата. Он сидел напротив меня за решеткой, и это благодаря ему меня выпустили в тот же день. Благодаря его отцу… Тогда я считала, что мне очень повезло.

Глава 5

Когда вышла на остановку, меня еще потряхивало. Сдавила сумочку холодными пальцами, выглядывая автобус. Скорей бы приехал. На душе неспокойно, страшно и ужасно неуютно. Хочется схватить Полю в охапку и мчать куда глаза глядят подальше отсюда. Как и много лет назад. Бежать так, чтоб ветер в ушах свистел. Но куда? Меня никто и нигде не ждет. У меня никого и нигде нет. Только Поля и Даша… и, если я не смогу удержаться на новом месте, мне ее не отдадут. А я воевала за эту возможность несколько лет. Только в наше время все решают деньги. И ребенка с детского дома можно забрать при их наличии. Выкупить, проще говоря. Я помню лицо заведующей и ее методиста, когда они поняли, что я не принесла им заветного конвертика для открытия дела. За встречу с Дашей тоже надо было платить, как минимум конфетами. А если я хотела видеть сестру чаще, то была своя такса – сто долларов за первую встречу, а за последующие по пятьдесят. Как они это называли – на нужды учреждения. Пока что я не нашла денег на первое свидание. И если останусь без работы, то и не найду.

– Почему именно этого ребенка? Она здорова, и ее могут удочерить из более благополучной и богатой семьи. Увезти за границу к лучшей жизни. У ребенка будет светлое будущее. Что вы можете ей дать? Возьмите Ваню или Олю. Они, конечно, имеют проблемы, но все поддается корректировке. Мы бы помогли вам с оформлением документов, и первый взнос был бы намного меньше.

– Мы что торгуемся? Мы на базаре, и вы мне предлагаете товар по скидке?

Заведующая тут же вытянулась и поджала губы. А методист принялась усиленно ковыряться в своем сотовом.

– Даша – моя родная сестра! Я не понимаю, наша с ней вина в том, что она здорова? Или в том, что я не дочь миллионера?

– Вы не приходили за ней несколько лет. Что вдруг сейчас надумали? Ей уже одиннадцать! Она вас даже не помнит!

– Помнит! Она все помнит! А долго, потому что не могла раньше. Работы не было, и дочь родилась. Я два года из этих пяти искала ее.

– Да, мы помним, что вы мать– одиночка, которая пока что без работы, без квартиры и хочет удочерить еще одного ребенка.

– Я устроилась на работу. Преподавателем в университет. Я сняла квартиру. Двухкомнатную. Даше будет где спать и учиться. У меня есть некоторые сбережения. Это же моя сестра, как вы не понимаете!

– Вот отработайте хотя бы полгода, принесите справку и рекомендации. Принесите квитанции, что нет долгов. Кстати, а где отец вашей дочери? Вы развелись?

– Да.

– Он как– то вам помогает? Участвует в жизни вашей дочери?

– Нет…он погиб. Он был военным.

Вспомнила, как мне об этом сообщили, и содрогнулась… Нет, не от боли и горя, а от жуткого облегчения и понимания, что больше нам с Полиной ничего не угрожает.

– Вы понимаете, что вы не подходите, как усыновитель или опекун? Приходите через несколько месяцев со всеми документами.

Я вышла из ее кабинета и плелась по коридору, опустив голову. Стыдно. Больно. И от отчаяния сжимается все внутри. Пять лет я не могла забрать мою девочку, пять лет я пыталась начать жить лучше, отложить денег. И когда я наконец– то могу это сделать… у меня могут начаться неприятности на работе.

– Михайлина Владимировна!

Методист бежит за мной.

– Любовь Валентиновна… ну она неплохая женщина и добрый человек. Пытается пристроить других сироток. Вам юриста надо взять. Так будет быстрее и эффективнее. И еще… я обязана вам сказать. На Дашу приходили смотреть еще две пары приемных родителей. Одни – из Америки. А вторые – состоятельные люди, отец тоже военный.

– Что? Как приемные? У нее же есть я! Родная сестра!

Внутри все похолодело. Я не отдам Дашу. Не отдааам!

– Возьмите юриста и поторопитесь! Мой вам совет!

Они просто продают мою Дашу. Они просто нашли покупателей, а я… а у меня нет денег. И вряд ли хватит на юриста.

Мне нельзя уходить из универа, нельзя терять работу. Я должна держаться за нее зубами. Приехал автобус, и я поднялась на ступеньку, села рядом с пожилой женщиной, посмотрела в окно, прижалась к нему лицом, всматриваясь расширенными глазами в темную фигуру молодого парня на остановке. Он догнал меня. Подонок. И вдруг сзади раздались недовольные вскрики, я обернулась, и сердце забарабанило прямо в горле с такой силой, что, кажется, сейчас с ума сойду. Демьян влез в автобус, растолкал людей и уселся неподалеку. Лицом ко мне. Развалился так, что никто рядом не то, что сесть, а даже стать не мог. Все его сторонятся, обходят десятой дорогой. Так всегда было. В этом парне какая– то мрачная, скрытая энергетика, которая пугает. От одного взгляда исподлобья мурашки бегут по всему телу, и становится неуютно. Жует жвачку, громко чавкая, в одном ухе наушник. Челка пол– лица закрыла. Черная косуха, обтягивающие джинсы с дырками на коленях. На меня смотрит, не моргая, прожигая во мне дыру. Мерзко смотрит, с презрением. Как на проститутку или на падаль какую– то.

И что теперь делать? Выйти на другой остановке? А дальше что? Куда я пойду? Проследит, где живу, и там покоя не даст… а у меня Поля маленькая. Стало еще

страшнее от мысли, что Полю могут забрать. Узнают, что она дочь Богдана, и отнимут. Их отец на все способен. На любую подлость и низость. Это я уже точно знаю.

Отвернулась к окну, нервно покусывая губы и продолжая теребить сумочку. Надо выйти раньше. Ничего, пройдусь потом пешком. В парк выйду. Там всегда людей много. Не посмеет там меня тронуть… Но быстрый взгляд на подонка говорил об обратном. Посмеет. Этот где угодно посмеет.

Всегда его боялась. Хотя рядом был палач, мне казалось, что брат палача способен на еще худшие издевательства. На какие? Я не хотела этого знать.

Пробралась в другой конец автобуса, чтобы выйти неподалеку от кинотеатра и большого парка, где обычно всегда собирается много людей. Спрыгнула с подножки и быстрым шагом пошла в сторону фонтана.

Можно погулять здесь пару часов, позвонить Валентине Егоровне, попросить посидеть с Полей за дополнительную плату и погулять. А может, он за мной и не пошел. Обернулась и подпрыгнула от испуга. Конечно же, пошел. Идет сзади вразвалочку с сигаретой в зубах. В паре метров от меня.

Чуда не будет. Только не со мной. Села на лавку, достала книгу. Ублюдок сел напротив и глаз с меня не сводит. Психологический прессинг похлеще насилия. Это молчаливое преследование со взглядом – «как только я смогу, я раздеру тебя на части, сука». И все эти части уже ментально болят. Он способен на что угодно.

Ужасно хотелось есть. В кошельке денег только на мороженое. Но я уже привыкла быть полуголодной всегда. Нормальное состояние. Бывало и хуже.

Подошла к ларьку, купила один маленький рожок с банановым шариком. Быстро обернулась – стоит сзади. Ничего не делает, не говорит. Просто стоит. И это нервирует до дрожи в коленках. Как будто воздух становится тяжелым, нагнетается удушливость. Начал накрапывать дождь, и людей в парке становилось все меньше. Если сейчас польет, то я останусь тут совершенно одна, а на свою улицу идти быстрым шагом придется около сорока минут. И мне придется идти…

Обернулась еще раз на наглого ублюдка и пошла в сторону аллеи. Если быстро ее проскочить – выйду к трассе и там по тротуару у всех на виду пойду в сторону метро. Пусть придется дать круг, но, может, этот мерзавец от меня отстанет. Ускоряя шаг, прижимая сумочку к груди, с ужасом отмечая, что людей почти нет. Исчезают даже случайные прохожие, а дождь льет все сильнее. И сзади слышны шаги. Оборачиваюсь – идет следом. Руки в карманах, между зубов сигарета, на голову капюшон накинул.

Пошла еще быстрее, почти побежала. Впереди какое– то здание административное. Бросилась к нему, дернула закрытую дверь несколько раз, беспомощно постучала. И замерла, услышав у себя над ухом зловещее:

– Здесь никого нет, и никто тебе не поможет, сука.

Совсем близко наглые глаза беспринципного отморозка. Выдыхает дым от сигареты. Закашлялась, но ему все равно. Вблизи его лицо можно назвать красивым, если бы не это выражение хищного жестокого зверя. Хотела дернуться, но он пригвоздил меня, удерживая за шкирку.

– Какого хера ты приперлась сюда, тварь? Сколько лет тебя не было? Пять? Вылезла из дыры своей? Решила, что можно уже?

– Отпусти меня, Демьян. Я закричу!

– Ори сколько хочешь, всем насрать. Даже если трахать тебя здесь буду, никто не подойдет! Поняла?

Вот эта едкая волна похоти всегда исходила от него. Смотрел так, что хотелось одернуть юбку и отвернуться. Мне всегда казалось, что я вижу в его глазах адское, бешеное совокупление…со мной. Не могла в глаза ему смотреть, но и Богдану сказать боялась. Он мог мне за это и зубы выбить. И виновата была бы только я. Потому что юбка слишком короткая, глаза ярко накрасила и просто потому что посмела хорошо выглядеть, а еще потому что у него опять ничего в постели не выходит.

– Отпусти. Просто отпусти, и я уйду. Хорошо? Давай просто разойдемся.

Ухмыльнулся, запрокинув голову, сверкая зубами и татуировками на длинной шее, доходящими до подбородка. Черепа и розы, шипы и лезвия. Отдает болью и смертью.

– Отпустить? – затянулся сигаретой, выпустил кольца дыма мне в лицо. – Я хочу, чтоб ты убралась из этого города. Сегодня. Я даю тебе три дня. Поняла? Через три дня я превращу твою жизнь в ад!

Нельзя показывать, что мне страшно. Я должна держаться изо всех сил. Он ищет мою слабость, хочет напугать, и как только у него получится – сожрет.

– Я не уберусь. Здесь мой дом, и я вернулась навсегда. Тебе придется с этим смириться, Демьян!

Осмелев, посмотрела ему в глаза. Они у него зеленые. Очень зеленые. Светлые, прозрачные, с ледяным блеском. Ударил кулаком возле моего лица изо всех сил. И я зажмурилась. Больше всего я боялась кулаков. Едва видела их, начинали трястись колени.

– Ты, кажется, не поняла меня. Я не спрашиваю, хочешь ты или нет, – приблизил лицо к моему лицу. От него пахнет сигаретами, ментолом и какой– то дикой, молодой похотью. От нее страшно, и по телу дрожь пробирает. – Тебе нет места здесь! Пошла вон отсюда!

– Я здесь живу! Здесь мой дом! Мне негде больше жить!

– А мне по хер! Здесь нет твоего дома! И никогда не будет! Просрала ты свой дом, когда с падалью той ускакала и брата моего бросила!

Тяжело дыша, смотрю ему в глаза. Надо выдержать этот взгляд. Надо просто не показывать ему, насколько мне страшно. Пусть не думает, что может вот так запугать меня. То, что он сын генерала Галая, не дает ему права выгонять меня. Наклонился еще ниже и взял пальцами прядь моих волос, а потом щелкнул зажигалкой, и она вспыхнула. Я даже не успела закричать от ужаса, а он тут же сжал ее ладонью и погасил огонь.

– В следующий раз будешь полыхать, как факел! Все шмотье на тебе сожгу! Голая домой пойдешь!

Осмотрел с ног до головы, и от взгляда этого наглого током пронизало. Взгляд мужской, откровенный, жгучий и сумасшедший. Вспомнила те картинки… и вздрогнула.

– К кому приехала? К е*арю? К тому, с которым от брата свалила? Где он? Я ему яйца отрежу!

Я дрожала и не могла ничего сказать, меня просто трясло и воняло собственными сгоревшими волосами. Он ненормальный. Не знаю, на что еще способен этот…этот отморозок.

– Отпусти меня. Я ни к кому не приехала. Одна я.

Провел пальцем по моему подбородку. Холодный. Ледяной. Очертил скулу, тронул губы.

– Хорошо жила, пока он в могиле гнил? М? Наслаждалась? Дырки свои подставляла всяким членам вонючим? И как? С ними лучше?

Игнорировать оскорбления, игнорировать мерзкий тон. Это его способ запугать, сломать.

– Нормально жила… послушай… я понимаю, что ты чувствуешь. Понимаю. Ты любил Богдана и…

– Заткнись, сука! – рыкнул мне в лицо и схватил за горло. – Имя его даже в голове у себя не произноси. Ты не достойна ни одной буквы! Из– за тебя он умер! Из– за тебя, тварюка! Из– за тебя его в цинке привезли! Если бы не ты… не пошел бы туда! Стерва… предала! Уууу, бл*дь, как же я тебя ненавижу!

И мне не просто страшно, меня от страха парализует так, что ноги немеют и руки. А он вдруг волосы мои за ухо заправил, убрал с лица с обеих сторон. Смотрит то в один глаз, то в другой, большим пальцем надавил на нижнюю губу, тронул передние зубы.

– Боготворил тебя, святой считал. Боготворил…, – словно себе под нос, – а ты шлюха обыкновенная оказалась!

А сам ладонью ведет по плечу к груди, и меня вот– вот от истерики бить начнет крупной дрожью. Развернул резко лицом к двери, вдавил в нее. Я закричала. А он прижал всем телом и рукой начал юбку задирать.

– Не надо…пожалуйста, – извиваясь, пытаясь оттолкнуть, высвободиться, но он цепкий, жестокий, грубый. Толкает, давит, выкручивает руки. Дернул на мне трусики, сильно, порезав кожу возле ноги.

– Нееееет! Не надо! Демьяяян…не смей!

Вдавил лицо в дверь и прошипел над ухом.

– Три дня! Три! Уволишься и свалишь из этого города. А не свалишь – пожалеешь, что родилась! Я эти трусы в аудитории на двери повешу!

Ткнул лицом в деревянную обшивку и отпустил. Услышала удаляющиеся шаги и сползла по двери на пол, широко открыв рот и заливаясь слезами. Натягивая юбку ниже, прикрывая колени, все еще чувствуя его холодные пальцы на своем бедре.

Некуда мне идти. И уезжать некуда. И уволиться не могу.

Закрыла глаза…

А перед ними искаженное ненавистью лицо Богдана. От него несёт перегаром, его глаза бешено вращаются.

– Я что говорил тебе? Говорил, без моего разрешения не выходить? Говорил? Я из тебя дурь выбью!

– Не надо…Бодя, умоляю. Не надо. Выкидыш будет!

– Это не мое отродье!

И кулак летит мне в лицо.

Тут же резко глаза открыла. Нет. Ему меня не запугать. Я не сдамся. Это мой город. Я здесь живу. И никто меня не прогонит. Я больше не позволю себя запугать. Я не жертва. Я смогла уйти от его подонка брата, смогу и ему противостоять. Для начала в полицию пойду.

Обернулась в поисках трусиков, но он их забрал с собой. Ублюдок. Отдышалась, вытерла слезы. Прихрамывая, пошла к остановке. Всю дорогу ехала, уткнувшись лбом в окно.

Потом по ступенькам поднималась, стараясь улыбаться. Постучала в дверь соседки, а потом схватила дочь в охапку и сильно сжала, сдавила, покрывая поцелуями шкодливую мордашку, волосы, маленькие ручки. Моя малышка, счастье мое.

– Мамочка плишла. Мамочкаааа. Мамуля моя.

Взяла ее на руки и выдохнула с облегчением. Все будет хорошо. Он меня не запугает. Буду ездить на трамвае. Пусть это намного дольше, но трамвай останавливается на рынке, а там всегда много людей. И заявление подам. К ректору пойду.

Глава 6

И никто и никто, никогда, никогда,

Не заменит тебя, не подарит тепла.

И никто никогда не заметит, что я

очень сильно люблю, очень сильно тебя.

Сегодня без тебя, неоправданно тяжело,

Это больше чем просто боль, когда кто– то другой.

С тобой, но не я.

Это даже больше, чем ревность.

Ведь, если ты не со мной, значит тебе так захотелось.

И не повлиять на тебя, ни понять, ни сдержать.

И как следствие – не обнять, у подъезда не ждать.

Но… Ты загадочна как море.

Намекала на что– то, но я ничего не понял.

И выходит я дурак, потерял, как же так?

Ты и не была моей, но хоть был шанс, а теперь никак.

А кому– то повезло, он взял и просто подошел.

А я ведь скромный как назло, может и хорошо.

Но теперь я одинок, и что, что таких полно.

Я хочу лишь одного, ее взгляда и далеко.

Убежать, но все далеко не так как хочется.

Была песня про любовь, а стала про одиночество.

(с) Леницкий. Очень сильно тебя

Сучка! Дрянная, мерзкая сучка!

Дом ее здесь! Нет у нее дома! Был да сплыл. Сама из этого дома сбежала. Подло, ночью с этим уродом!

Трясущимися пальцами сигарету достал, сунул в рот. Руки мокрые, зажигалка не работает. Психанул отшвырнул сигарету, раздавил мощной подошвой кроссовки.

В кармане трусы ее лежат и, кажется, прожигают там дыру. От одной мысли о них яйца в узел скручивает. Думал, прошло это все. Думал, что ненависть давно стерла все эмоции к этой…

Но они вернулись с новой силой. Как удар в солнечное сплетение. Да так, чтоб дыхалку свело, и диафрагма от судороги сжалась до боли. Рядом оказался, глаза ее увидел вблизи, и все, и пиз*ец!

Ему снова восемнадцать, и его ведет, как прыщавого девственника.

Безвольный, конченый слабак. Как и тогда… Ни хрена не изменилось. Она, суууууука такая, стала еще красивее. То же облако русых волос с нежным запахом ириса, те же прозрачные голубые глаза… те же розовые губы без косметики. Собрала волосы в дурацкий узел. Так и тянет содрать и посмотреть, как эти нежные пряди струятся по ее спине… как когда– то, когда подсматривал за ней. Бессчётное количество раз подсматривал. Фотографировал. Во сне видел.

Бедер ее ладонью коснулся и чуть не кончил. Мощно, быстро, унизительно и жалко. Как тот сраный, тупой подросток, который дрочил на ее фото, дрочил на все, что принадлежало ей. Даже, мать ее, на ее расческу. И ревновал. Бешено, адски, дико ревновал. К каждому столбу. К стульям, к столам, к подушке… Но больше всего к Богдану. Любил его, был предан ему и… ненавидел за то, что тот трахал эту дрянь. Каждую ночь. А он бился головой о стену с крепко зажмуренными глазами и на всю громкость врубал музыку, или на хер уходил из дома.

***

Ранее…

– Поможешь принести уголь из подвала? Буду жарить мясо на гриле!

Вбежала к нему в комнату, а он в одних джинсах стоит перед зеркалом, с футболкой в руках и прикидывает – пойти на их сраный пикник или нет. Резко к ней обернулся, увидел, как она на последнюю татуху его смотрит. Огромный

череп волка на груди с розой в оскаленных зубах. Выпуклые кости на скулах как раз там, где его пресс, а пасть, со стекающей слюной, опускается чуть ниже пупка.

На ней короткое легкое светлое платье, похожее на футболку, голые ноги слегка загорели и манят взгляд. Длинные светлые волосы в косу заплела, а челка постоянно падает ей на глаза.

– Поможешь? Бодя еще не вернулся, а я хочу к его приезду все успеть.

– Да. Идем.

Отшвырнул футболку в сторону, а она губу закусила и замерла, когда он оттеснил ее к косяку двери и протиснулся рядом. ПахнУло чертовым запахом ириса. Она что купается в нем?

– Может, наденешь что– то? Там не так уж и жарко.

Посмотрела на его грудь и тут же взгляд отвела.

– Я тебя смущаю? Голых мужских торсов не видела никогда? Бодя тебя в одежде…

– Все! – оборвала, махнула руками. – Не помогай! Сама достану!

Развернулась и быстро сбежала по лестнице. Он за ней. Бл*… какого хера рот на замке не держится. Так и хочется гадость сказать. Унизить, обидеть. Сам не знал почему. Точнее, знал. Потому что с ее появлением он начал считать себя мразью. Потому что трахнуть невесту брата хотел. И не просто трахнуть… а быть с ней вместо него.

Светлое платье мелькнуло за дверью чулана, пошел следом, спустился по лестнице и остановился, во рту мгновенно пересохло, когда увидел, как она наклонилась за мешком с углем. Платье поползло вверх и обнажило ноги до трусиков. Скромные, белые без узоров. Обтянули обе ягодицы, и из– под резинок видны налитые полушария и прикрытая трикотажем промежность. У него встал. Мгновенно. Дыбом. Так, что в паху прострелило. Обернулась с мешком в руках.

Нахмурилась. Быстро одернула платье.

– Сказала же, не надо!

– Сюда давай!

Выхватил у нее пакет и заодно ширинку прикрыл. Понес наверх. Бросил рядом с мангалом и быстрым шагом в дом, в туалет. Лбом к стене прислонился, член из штанов достал и, закусив губу, прокручивая перед глазами ее попку и длинные ноги, быстро дергал рукой, пока не излился в унитаз. Иначе не смог бы выйти. После взгляда на нее у него не падал. Стоял намертво. Только единственный выход – передернуть, как малолетка, и немного успокоиться.

Потом огонь разжигал, пока она мясо нарезала. Бегает в этом платье своем проклятом, ноги мелькают, то к груди прилипнет, обрисует лифчик, то ветер челку швыряет ей в лицо. Она пальцы облизывает, а Демон то на нее смотрит, то угли вертит, и ему кажется, что он сам на этих углях поджаривается.

Подбежала, улыбается. Что– то в тарелке притащила. А ему хочется, чтоб не подходила. Никогда. Даже на метр.

– Хочешь попробовать? Я сама баклажаны в духовке запекала. Кусооочек.

У нее была удивительная способность забывать все плохое. Как будто грязь отталкивается от ее кожи, волос, от ее розовых губ и исчезает. Не пристает к ней. Сколько бы мерзости ей не наговорил, все оставалось только с ним, а ее не касалось.

– У меня руки грязные. – буркнул в ответ и потыкал железной палкой в очаг.

– Открой рот.

Бл******дь! Его током прошибает от ее слов. От каждого долбаного слова.

– Нууу. Вкусно. Попробуй! Скажи – аааа. Давай. Да. Вот так.

Послушно открыл, и она ему на язык положила кусочек баклажана своим пальчиком. Своим маленьким белым пальчиком с остреньким ноготком. Гребаные баклажаны. Он их с детства ненавидел. Запах не переносил. Но стоял и жевал, как идиот. И с ее рук съел бы всю миску. Или сколько она их там напарила.

– Вкусно? – и в глаза заглядывает. – Скажи, ведь вкусно?

– Съедобно!

– Нравится?

– Нравится.

Да, она ему нравится. Зверски нравится, до дрожи во всем теле, до боли в груди, до едких ожогов в животе. И ему хочется за это выдрать себе глаза, отрезать пальцы. Пальцы, которыми хотел бы тронуть хотя бы ее волосы. Вот эту пушистую прядь у виска. Убрать за ухо. Он так и сделал. Убрал.

А потом руку на очаг положил и обжег ладонь.

– Твоооооою мать!

– Что? Обжегся? Где? Покажи!

Хватает его за руку, а он сопротивляется, отпихивает ее от себя. Чтоб не прикасалась. Но она – дура. Просто дура, потому что не видит, не замечает. Руку схватила, дует, потом за льдом побежала. Прикладывает и спрашивает все время:

– Больно? Я в аптеку схожу за спасателем. Потерпишь?

– Куда сходишь?

– В аптеку. Тут недалеко. Всего минут двадцать идти.

Идти? Она серьезно? Для этого есть специально обученные люди, которые метнутся, едва он им головой кивнет.

– Пройдет. Давай мясо будем жарить. Неси сюда шампуры.

– Да. До свадьбы заживет.

Смеется и сама челку за уши прячет.

– Я не женюсь.

– Та до твоей долго еще. До моей заживет.

Одернул руку.

– И когда у вас свадьба?

– В следующем месяце. Я как раз рисую приглашения. Для каждого свое. Индивидуальное. Хочешь, покажу?

Она реально считает, что ему это интересно? Что она там рисует? А его рот, его язык, его голос говорит какое– то совершенно тупейшее:

– Да.

– Мясо пожарим, и покажу.

На часы посмотрела.

– Долго его нет. Обещал быть к обеду. Ну ничего. Может, Ирина и папа твой выйдут на пикник.

Да уж. Выйдут. Ее деревенские салатики есть и шашлыки из дешевой вырезки с рынка. Мадам Ирина поедет устрицы жрать во французский Шато.

Смотрит, как она набирает в сотовом номер. Видимо, Богдану звонит. Но ей не отвечают.

– Ты… давно с братом говорил? – спросила обеспокоенно. – Я дозвониться не могу. Переживаю уже.

О нем не переживал никто и никогда.

– Да. Месяца три назад.

«Как раз тогда, когда он тебя привел к нам домой»

– Ясно.

Сунула сотовый в карман и пошла стейки переворачивать. Он отобрал у нее огромную вилку с длинной ручкой.

– Салатик порежь. Мясо мужчины жарить должны.

– Ну, хорошо. Пожарь. Ты круто смотришься с этими шампурами.

Удивленно на нее посмотрел.

– Да– да, я серьезно. Очень круто. Таким взрослым кажешься.

Дааа, ему хотелось казаться ей взрослым. Хотелось, чтоб вот так смотрела на него, чтоб улыбалась, чтоб не думала о брате.

Богдан не приехал на ужин. Она изо всех сил пыталась показать, что не расстроилась, что все хорошо. Ела свои стейки с баклажанами и салатом. Мачеха с отцом укатили в ресторан, а Демьян сидел там в беседке и жрал ее стейки. Потому что кто– то должен был их жрать. Потому что в ее голубых глазах застыли слезы, когда машина отца отъехала, и он даже не попрощался с ней. Ни он, ни мачеха, скривившая нос от запаха мяса. Оба сделали вид, что не слышат, как она бежит следом и зовет их на ужин.

– Он глухой после ранения, а она беременная. Беременные немного шизанутые все. Она мясо не ест, – соврал Демьян и пошел к столу, – меня накорми. Я ем.

– Угу… я пойду принесу пиво.

Ушла в дом и не возвращается. Пошел за ней. Отыскал где– то в коридоре, у окна. Стоит ревет. В сотовый тыкает пальцами тонкими. Когда Демьян подошел, вздрогнула, зажала телефон за спиной.

– Я… сейчас приду.

Внутри все скрутило узлом от вида ее слез, и захотелось двинуто Боде по морде за то, что не приехал.

– Та ладно. У него сборы. Приедет скоро. Бывает, их задерживают. Идем, я тебе кое– что покажу.

Никогда никого сюда не приводил. Это было его место еще с детства. На крыше у самого края. Когда жизнь казалась не просто дерьмом, а дерьмом в десятой степени, он уходил сюда и лежал, глядя в небо. Как будто всего мира больше не существовало.

– Там темно, – боязливо сказала она и посмотрела на мальчишку, – и пауки.

– Не волнуйся, они сами тебя боятся.

– Ты первый.

На сколько лет она его старше? На шесть? Но сейчас он чувствовал себя крутым и огромным, а ее маленькой и хрупкой.

– Давай руку, Мишка.

Брови девчонки удивленно поднялись вверх.

– Что? Не нравится?

– Меня отец так называл.

Подал ей руку и помог влезть на чердак. Его царство. Старые гитары, ноты, какие– то рисунки, стихи и много альбомов, которые мачеха хотела вышвырнуть, едва переступила порог дома, но Демьян выхватил из ее рук мусорный мешок и пригрозил, что, если она еще раз тронет фотографии, в мусорке окажутся все ее вещи. Для наглядности отправил туда несколько ее бл*дских платьев. На этом попытки навести порядок на чердаке закончились.

Михайлина наклонилась к гитаре и тронула ее пальцем.

– Играешь?

– Уже нет.

– Почему?

И глаза огромные в полумраке блестят. Как же одуренно от нее пахнет. Так пахнет, что ему невыносимо хочется принюхаться, зарыться лицом в ее волосы, в ее шею.

– Вдохновения нет.

Наклонилась и подняла его рисунок, потом смутилась.

– Это…это я?

– Похожа?

На альбомном листе простым карандашом набросок девушки с собакой. Она сидит на корточках и гладит пса.

– Да… я тогда в первый раз к вам пришла.

И все. И пи*дец в его жизни тут же начался. Пришла, чтоб разодрать ему сердце напополам. Пришла, чтоб брата ненавидел, себя, ее и всех вокруг.

– Челси… как жалко.

Гладит пальцем рисунок, собачью морду. Вот– вот заплачет. Он руки в кулаки сдавил и молчит. Сука– мачеха. Никогда не простит ей этого. Специально ворота открыла и дала Челси сбежать со двора. А потом…потом только тело, сбитое машиной, нашли.

– Можно я себе возьму?

Кивнул, а сам взгляд отвести не может с овала ее лица, с изгиба шеи, с длинных ног. А она вдруг альбом с фотографиями схватила и открыла первую страницу.

– Ой, а это ты? Совсем мааленький? А это кто? Красивая такая… Это мама ваша?

Отобрал альбом и зашвырнул на старый стол.

– Я тебя не в моих архивах копаться притащил. Идем.

Схватил за руку и насильно вытянул на крышу.

– Ооох ты ж! – вскрикнула, когда увидела усыпанное звездами небо. – Как здесь красиво.

Он опустился на колени, а потом улегся на спину и закинул руки за голову.

– Когда вот так лежишь, кажется, что летаешь и вокруг ничего нет.

– Да?

Посмотрел на нее и судорожно сглотнул слюну. Снизу снова были видны ее ноги, попка и даже голая спина. А она вдруг опустилась рядом и тоже улеглась на спину.

– Точно. Словно летаешь. Дём…, – вздрогнул… а вот так его мама называла. Она нарочно, да? Словно знает, куда влезть и за какое болезненное место тронуть, – а где ваша мама?

– Называй меня Демон, поняла?

– Нет, – отрицательно покачала головой, – это другие думают, что ты демон. А ты нет. Ты Дёёёёма. Просто никто не знает, какой ты.

Хотел возразить, ляпнуть что– то мерзкое, но она вдруг за руку его схватила:

– Смотрииии. Ты видел? Звезда упала! Тааам. Вон. Еще одна.

У нее теплые, тонкие пальцы. И от ее кожи исходят заряды электричества по всему его телу. И вдруг до дикости захотелось вот так вечно лежать с ней рядом. Чтоб волосы сплетались, чтоб пахло ирисом, чтоб она руку его держала в своей и показывала в небо.

– Мама умерла…три месяца назад.

– Она рядом. – сплела пальцы с его пальцами. Так невинно. Ничего особенного в этом жесте, ничего сексуального, а его подбросило, затрясло. – Когда папа умер… нам отдали его тело и открывать не разрешили. Я больше всего плакала о том, что последний раз видела его очень давно, и теперь он никогда не будет рядом со мной. Я ошибалась. Он всегда здесь.

Она прижала ладонь к груди, продолжая удерживать его другую руку.

– Когда я хочу увидеть его во сне, я просто зову, и он приходит.

– Мама…ушла добровольно. Вряд ли она здесь рядом. Она приняла решение рядом не быть.

Большой палец ее руки нежно прошелся по его ладони.

– Мне…жаль.

– А мне нет!

И бросил ее руку.

– Захотела уйти и ушла. Она всегда так делала. Уходила от трудностей.

– У людей бывают разные причины поступить так или иначе, а нам никогда не узнать истину. Ведь мы – не они. Моя мама после смерти младшего брата приняла решение стать живым трупом. Она не ела, не вставала, не ходила. Когда– то я злилась на нее, не могла простить. А сейчас я понимаю, что она просто слабая… она сломалась от горя.

– У тебя нет родителей?

– Нет… только сестра. Она в детском доме. Когда мы с Богданом поженимся, я смогу ее забрать….

Внизу послышался скрип покрышек, и она подскочила.

– Бодя приехал.

Да, бл*. Приехал. Музыка на всю громкость, дверцей со всей дури стукнул. Михайлина тут же вылезла на чердак, потом вниз по лестнице побежала.

А он там, наверху остался. Но голоса их слышал хорошо, отчетливо.

– Я все приготовила, как ты хотел. Я целый день занималась этим пикником. А ты не приехал!

– Я был занят.

– Я приготовила мясо, я старалась я…

– Не истери. Я реально был занят. Иди ко мне. Ко мне иди, говорю.

Дальше голоса стали слышны менее отчетливо, потом стихли совсем. Какое– то время они молчали, а он лежал, сильно зажмурив глаза и стиснув кулаки. Он знал, что они трахаются. Нутром чуял, и хотелось выть и орать.

Глава 7

Я чувствовала себя предательницей. Чувствовала, что я украла у нее кусок детства. Нет ничего ужасней, чем собственное бессилие. Я потратила более трех лет на ее поиски. Ей изменили имя, ошиблись в дате рождения и в описании цвета глаз.

Я искала Дашу, а ее звали Лера. Я искала майскую девочку, а она была записана июньской. Я искала с длинными волосами, а ее остригли еще в детприемнике. Богдан казался мне спасителем, казался принцем из волшебной сказки. У меня не было опыта отношений с мужчинами, у меня вообще не было никакого опыта. А Бодя красиво ухаживал, дарил цветы, покупал мороженое, возил на своей крутой машине, кормил в дорогих ресторанах. Он помог мне найти Дашу. Платил взятки, наводил справки в перерывах между тренировками и учебой.

Я не знала, как надо… Не знала нормальных отношений, и поэтому, когда он впервые ударил меня во время своей тренировки, решила, что это случайность. Он извинялся, целовал мой разбитый нос, купил мне новые сережки. Потом я пойму, что он сделал это специально. Ему доставляло удовольствие причинять боль, лепить из меня покорную жертву, с вечным чувством собственной вины и неполноценности. Так он ощущал себя сильнее, важнее, весомее.

– Поставь это яблоко на голову, я собью его с первого раза.

– Ты…ты промахнешься. Пожалуйста, не надо.

– Ты дура? Ты какого хера унижаешь меня при друзьях? Поставила, я сказал. Славка, записывай.

– Не надо, Бодя. Давай я себе на голову его поставлю. – Славику я нравилась, но в их дружбе доминировал Богдан, а Славик всегда уступал.

– Отвали. Мне с ней интереснее.

Пятка угодила мне в челюсть. Он таскал лед, целовал синяк, запретил звонить в скорую и просил всем сказать, что я упала. Жалел, качал, как ребенка, подарил

утром цветы и сделал мне предложение. По лицу он больше никогда меня не бил. Да и зачем, если есть другие части тела. Тогда я уже наведалась к соцработнику и навела первые справки о своей сестре. Мне сказали, что необеспеченной студентке, живущей в общежитии, ребенка не отдадут. Вот если бы я вышла замуж, тогда другое дело. А если бы вышла замуж за сына генерала, то вообще все пошло бы как по маслу.

Я согласилась выйти за Богдана. На какое– то время его агрессия сошла на нет, он был ласковым, нежным, у нас случался секс раз в пару недель. Он деликатно лишил меня девственности руками и сказал, что это из– за заботы обо мне, чтобы не было больно. Оно и не было. Никак не было. Растянули, потерли, потрогали и отпустили. Потом я пойму, почему руками. Потому что у Боди проблемы с эрекцией, и лишить девственности полувялым членом было весьма проблематично. Позже уже было и настоящее проникновение. Спустя время. Тогда я считала, что это нормально. Я не знала, что секс раз в пару недель у молодой пары – это что– то не то, не знала, что если мужчина с трудом всовывает вялый член, а потом после двух– трех фрикций кончает, то у него проблемы. Я члена стоячего никогда не видела.

Наша помолвка была официальной, громогласной, с газетчиками, фото в соцсетях и репортерами. Я согласилась стать его грушей для битья и вечно покорной рабой, беспрекословно исполняющей его прихоти. Но кто мне сказал об этом заранее? Никто и никогда не подумал бы, какой он на самом деле. Отличник, пример для подражания, медалист и призер, закончивший военную академию с красным дипломом, учредитель благотворительного детского фонда… методично, почти каждый день оттачивал на мне свое мастерство по ударам и едкому унижению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/soboleva_ul-yana/podonok

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити